

В. Д. Бонч-Бруевич

Знамение времени

**Убийство Андрея Ющинского и
дело Бейлиса**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В11

В. Д. Бонч-Бруевич
В11 Знамение времени: Убийство Андрея Ющинского и дело Бейлиса / В. Д. Бонч-Бруевич – М.: Книга по Требованию, 2021. – 126 с.

ISBN 978-5-4241-1611-7

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич - видный деятель Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства, один из ближайших сотрудников В. В. И. Ленина.

ISBN 978-5-4241-1611-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© В. Д. Бонч-Бруевич, 2021

Бонч-Бруевич Владимир
Знамение времени - Убийство
Андрея Ющинского и дело
Бейлиса (Впечатления
Киевского процесса)

Владимир Бонч-Бруевич

Знамение времени

Убийство Андрея Ющинского и дело Бейлиса

(Впечатления Киевского процесса)

(Idn-knigi: см. посвящение на обложке книги - В. М. Величина была женой

В. Бонч - Бруевича, умерла от "испанки" 30.09.1918; об авторе см. у нас,

отдельно) ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие к первому изданию 7

Предисловие ко второму изданию 10 I Перед процессом 17 II В пути 19 III
Накануне суда 21 IV В суд! 23 V В суде 26 VI Присяжные 27 VII Эксперты 28
VIII Свидетели 30 IX Обвиняемый 31 X Гражданские истцы 33 XI Дети-свидетели 35 XII Публика 37 XIII Пресса 38 XIV Покушение на свободу печати 41 XV
Свидетель - еврейский мальчик 43 XVI Семейство Нежинских-Приходько-Ющинских 45 XVII Газетное объявление 47 XVIII Кого судят?. 49 XIX Наволочка 51 XX Наконец заговорили о Бейлисе 52 XXI Вера Чеберяк среди свидетелей 55 XXII Таинственный прохожий 56 XXIII Фонарщик 57 XXIV Сказка о похищении Ющинского 60 XXV Волкивна 61 XXVI Опять прокламация 64 XXVII Обморок свидетеля 64 XXVIII Передопрос студента Голубева 65 XXIX Новый передопрос Голубева 67 XXX Осмотр местности 68 XXXI Ужасы черты еврейской оседлости 76 XXXII Отец Антоном 77 XXXIII Козаченко 79 XXXIV Показания Синяева 84 XXXV Свидетель-арестант 85 XXXVI Козаченко в синагоге 86 XXXVII Человек истинно-чешского происхождения 87 XXXVIII Человек на службе конспиративной 90 XXXIX Людмила Чеберяк 93 XL Вера Чеберяк 95 XLI Господин Чеберяк 100 XLII Свидетель Бейлис в обвиняемая Чеберяк 102 XLIII Где был труп Ющинского до пещеры? 103 XLIV Что означают многочисленные раны на теле Андрея Ющинского 106 XLV Еврейская молельня 107 XLVI Беркины швайки 111 XLVII Два цадики 112 XLVIII Его надо убрать 116 XLIX Производились ли работы на заводе Зайцева 12 марта, когда был убит Андрей Ющинский 118 L Свидетель одиннадцати лет 119 LI Петров 121 LII Журналист-расследователь 123 LIII Поездка в Харьков 126 LIV Бывший начальник сыскальной полиции Красовский 128 LV Сестры Дьяконовы 136 LVI Свидетель-кровельщик 143 LVII Сподвижники Красовского 144 LVIII Арестант Сингаевский 148 LIX Сообщник Сингаевского - Рудинский 152 LX Латышев 154 LXI Супруги Малицкие 155 LXII О том, как евреи подкупают свидетелей 156 LXIII Судебно-медицинская экспертиза 159 LXIV Экспертиза психиатрическая 162 LXV Эксперт, который ничего не знает 164 LXVI Честь русской науки спасена 170 LXVII Эксперт Тихомиров 171 LXVIII Исповедь народа 172 LXIX Речь прокурора 175 LXX Речь Замысловского 177 LXXI Речь Шмакова 180 LXXII Речи защитников 183 LXXIII Последнее слово обвиняемого 184 LXXIV Постановка вопросов 184 LXXV Резюме председателя 185 LXXVI Просьба о дополнении резюме 186 LXXVII Перед приговором 187 LXXVIII Приговор суда присяжных 188 LXXIX Определение суда 190 LXXX На улицах 190 LXXXI Совесть народа 191 LXXXII В гостях у Вейлиса 193

Предисловие к первому изданию

В этом издании я постарался возобновить те места моих очерков, которые были выкинуты или изуродованы цензурой того времени, когда, впервые печаталась эта моя книга. К сожалению, я еще не отыскал все свои заметки и записи,

нужные мне для этого. Если будет возможно еще раз напечатать эту мою книгу, я надеюсь к следующему изданию закончить ее окончательно. Прим. В. Б.-Б. (1920 г.)

Печатаемые здесь впечатления Киевского процесса, - вошедшего в историю нашей общественности под наименованием "Дело Бейлиса", - ранее были опубликованы в различных изданиях периодической печати ("Киевская Мысль", "Утро", "Правда" и др.).

В наших очерках читатель кое-где встретит повторяющиеся мотивы, но мы сознательно оставили эти повторения, так как некоторые персонажи процесса не однажды появлялись перед лицом окружного суда с присяжными, не однажды давали они показания, не однажды стороны со страстью допрашивали их и живое впечатление наблюдателя требовало немедленной зарисовки этих новых и новых подробностей, штрихов и черточек столь кошмарного дела, где всякая мелочь казалась важной. Для цельности впечатления мы оставили их и здесь, в этой книге.

Мы выпускаем в свет эти наши впечатления по делу Бейлиса потому, что, по нашему мнению, полезно вспомнить именно теперь черты судебного разбирательства убийства Андрея Ющинского, так как процесс этот, конечно, не закончен. С очевидностью ясно, что он только возгорается именно в той плоскости, в которой, в сущности, и должен был бы идти: после пятикратного заявления в окружном суде гор. Киева таких авторитетных лиц в деле розыска, как, следовательно по особо важным делам Фененко и жандармский {8} полковник Иванов, заявления прямого и весьма определенного, указывающего на несомненное причастие Веры Чеберяк к делу убийства А. Ющинского, - не может быть двух мнений, что, по той или иной причине, процесс этот вскоре возобновится во всей своей полноте. В газетах только что промелькнуло известие, что неутомимая "чиновница" Чеберяк, защищая честь и достоинство своей "малины", желает вновь судиться, на этот раз уже привлекая к суду следователя по особо важным делам Фененко. Это смело и хорошо для истины. Конечно, никто не может сомневаться, что Фененко выступит в суде, защищая себя, во всеоружии документов, сведений и данных и может быть расскажет миру то, что до сего времени не было еще поведано...

Но почему только на г. Фененко обрушивает свой гнев эта уголовная дама? Почему не привлекает она полковника Иванова, околоточного Кириченко, бывшего начальника сыскного отделения Красовского и соседей своих: Добжанского. Наконечного, сестер Дьяконовых и многих других, которые все, согласным хором, прямо утверждали на суде, что они знают, что труп Ющинского сохранялся в квартире Чеберяк, что сама В. Чеберяк принимала непосредственное участие в убийстве этого юноши, на которого воровская шайка, видимо, возлагала сначала большие надежды, предполагая при его посредстве обокрасть один из соборов Киева: Ющинский должен был проникнуть в собор через форточку и помочь отворить заранее намеченную дверь. Этой ретивой даме необходимо было бы нужно привлечь также к ответственности товарища прокурора Вишпера, который в своей речи прямо заявил, что он не исключает возможности соучастия В. Чеберяк в деле убийства Ющинского и тем самым очень умело отгородился от могущего быть суда и обвинения действительных убийц Андрея Ющинского,

Также ведь и гражданский истец Шмаков в конце процесса с крайней подозрительностью стал относиться к В. Чеберяк и тоже не отрицал возможного соучастия в убийстве Ющинского этой родственницы Сингаевского, телохранительницы Латышева и Рудзинского с компанией.

Привлекать-так привлекать уж всех!

И все эти привлечения несомненно кончатся выяснением правды, как это уже началось с только что протекших {9} литературных процессов в Киеве, возбужденных осмелевшей В. Чеберяк.

Внимательно изучив все данные процесса Бейлиса-Ющинского, я лично с полной убежденностью присоединяюсь к тому мнению, которое указывает нам единственно верный и несомненный путь раскрытия этого ужасного убийства: вся энергия должна быть направлена к выяснению деятельности посетителей квартиры "малины" Веры Чеберяк, а также самой Веры Чеберяк, этой предводительницы хорошо организованной, действовавшей с несомненного попустительства Киевской полиции, шайки отчаянных громил, убийц и бандитов, особенно к "работе" Латышева, Рудзинского и Сингаевского. Несмотря на то, что уже прошло так много времени, несмотря на то, что эти ловкие громилы сделали многое для заметания следов, но, при энергичном исследовании и собирании всего материала, картина убийства Ющинского, уже и без того вполне ясная, может и должна быть - восстановлена совершенно, а убийцы, всем, особенно в Киеве, хорошо и без того известные, выявятся перед лицом беспристрастного правосудия сами собой.

Неужели это кошмарное дело, принесшее так много вреда общественной жизни России, не будет ликвидировано так, как должно это быть со всяким уголовным делом?

Неужели это убийство, столь простое и очевидное, не будет раскрыто теми, кому это ведать надлежит?

Нет, этому нельзя верить, и я убежден, что оно будет раскрыто и раскрыто скоро...

Владимир Бонч-Бруевич. 15 июня 1914 года.

Предисловие ко второму изданию.

В настоящее время волна антисемитизма вновь поднимается в России, особенно на Украине и в наших западных губерниях: ее несут на своих штыках банды и полчища белогвардейцев, в которые входят исконные черносотенцы, одураченные Деникинами и Колчаками казаки, все жулье и бандиты, сгруппировавшиеся вокруг различных атаманов и "батек".

В западных губерниях неистовствуют польские легионеры, насквозь пропитанные католическим ханжеством, издревле воспитанные пройдохами ксендзами римской церкви в самом отчаянном, в самом наглом антисемитизме: католические попы, наследуя католическую инквизицию, из антисемитизма давным-давно сделали самую прибыльную статью доходов как местных монастырей, так и всей римско-католической церковной державы вообще.

Не даром у католиков насчитывается до двухсот святых, имеющих мощи "умученных от жидов" различных отроков, мужеска и женска пола. Само собой понятно, какие подлые страсти надо было разжечь в народе этим опытейшим из клеветников на всех и вся, - иезуитам и иным служителям святого римского престола, - прежде чем начать фабриковать святых, с мощами и без мощей, таким

оригинальным, таким неслыханным и таким отвратительным способом. Каков же должен быть глубок разврат религиозной мысли и чувства среди некультурных мещанских да и крестьянских масс населения, чтобы католические попы могли безболезненно распространять сведения среди своей паствы об ритуальных убийствах детей евреями, о приобщении их кровью и пр. и т. п. давнишней клевете.

Ясно, что эта клевета должна была быть систематических и упорно проводима в жизни, {11} постоянно воспитываема и поддерживаема в народе, прежде чем ей поверили бы вплотную. Шутка ли сказать, что множество поляков носят имена святых, которых чтут, в честь которых справляют именины, которых всегда поминают, и эти имена своей биографией всегда напоминают, что именно они-то и были жертвами никогда не существовавшего еврейского ритуала. Этот кровавый навет на народ, столько веков проповедуемый, на народ, представители которого живут тут же, под боком, среди польского же населения, не мог пройти безрезультатно и несомненно является одной из причин крайнего антисемитизма в Польше, помимо всех прочих чисто экономических его оснований.

Польские попы всегда являются самыми яркими проповедниками антисемитизма, и мы видим, что царское правительство, инсценируя процесс Бейлиса, из всех сил старалось найти эксперта из православной духовной среды, который подтвердил бы этот гнусный навет, и сделать этого не могло: никто ни из православного духовенства, ни из миссионеров православной церкви - среди которых так много и карьеристов и прямых прохвостов - не рискнул выступить в этой роли и только лишь поляк ксендз Пранайтис (литовец, католик; ldn-knigi), этот католический поп, вызвался прийти в суд в своей сутане римского папстера, чтобы перед всеми, не стыдясь никого, поддержать гнусную клевету на еврейский народ. Этот польско-католический изувер не постеснялся здесь же на суде, в Киеве, открыто заявить что хотя, в большинстве случаев, признания самих евреев о существовании кровавого ритуала были во времена святой инквизиции произведены под жестокими пытками, - это не важно, а важно то, что признание было. А на вопрос, как он сам теперь относится к пыткам, этот негодяй в рясе католического священника осмелился заявить, что пытки он одобряет, что это одно из несомненных средств достижения истины! (см. "Дело Бейлиса" Стенографический Отчет; здесь и дальше; ldn-knigi) Председатель царского суда засуетился и тотчас же замял эти откровенные излияния представителя римского престола, и даже Замысловский, этот яркий черносотенец, и тот заерзал на своем месте и делал вид, что он отмежевывается в этой части экспертизы своего союзника и соратника по процессу (ldn-knigi - источник: http://www.bautz.de/bbkl/p/pranaitis_j.shtml Пранайтис, Юстинас (Иустин, Justinus Bonaventura) рим.-католический ксендз. род. 27.7.1861 в Паненупай округ Науместис, губ. Сувалкис - Т 28.1.1917 в Петрограде)

Если этот ксендз польского происхождения так преступно откровенно держал себя в зале Киевского суда, то можно себе представить, чему он учил, что проповедовал он по {12} еврейскому вопросу своей пастве где - либо в захолустье Польши или Литвы.

До какой степени ритуальные и человеконенавистнические мотивы по отношению к евреям проникли всюду среди поляков, можно судить хотя бы по тому,

что кажется единственная в мире картина, на которой изображен ритуал убийства христианского мальчика еврейскими священнослужителями, также принадлежит кисти польского художника, фамилию которого я, к сожалению, забыл. Я видел эту огромную картину, сохранявшуюся в Петрограде в польском клубе, который помещался там же, где и общество русских литераторов. Этот польский клуб имел несколько отдельных комнат, расположенных в самой глубине здания. Случайно как-то зайдя в эти отдаленные комнаты, я увидел там заинтересовавшие меня картины из времени польского восстания 1863 года. Хорошо нарисованные, они создавали настроение. Около одной из стен стоял экран, что-то загораживая; полагая, что и там картина той же серии, я несколько отодвинул его, чтобы обозреть и эту картину, и к моему величайшему изумлению я увидел технически очень хорошо выполненную, огромную картину, с людьми в натуральную величину, изображавшую фантастический момент истечения крови из какого-то "отрока". Картина производила отвратительное, отталкивающее впечатление.

И я подумал:

- До какой же степени изуверства должна была быть развращена антисемитской проповедью фантазия художника, чтобы он, так тщательно вырисовывая это огромное полотно, ни разу бы не задумался над тем, что он рисовал.

Гнусность вековой кровавой клеветы на еврейский народ, очевидно, совершенно извратила понятия и представления об исторической правде в этом навете не только в фанатизированной католическими попами толпе, но и среди интеллигентного общества писателей и художников Польши.

Плоды этого долголетнего, векового воспитания, длящегося с тех пор, когда всякие паны, вроде прославленных ясновельможных панов Потоцких, не находивших лучшей забавы, как смотреть на всевозможные издевательства над случайно встретившимся евреем, (см. С. Дубнов "История Хасидизма" 1931 г., у нас на нем.; ldn-knigi) сказываются и теперь, при лихих и разгульных наскоках польских легионеров на {13} города и местечки западного края, где в настоящее время евреи почти сплошь истребляются этими озверелыми и обезумевшими сынками польской шляхты и польского мещанства, предводительствуемые паном Пилсудским, когда-то гордившимся именем и званием польского революционера.

Чтобы как-нибудь скрыть от народа свою контрреволюционную работу и как-либо отуманить сознание политически неразвитых и малокультурных масс, чтобы отвлечь внимание и направить куда-либо в сторону долго таившееся недовольство среди народа, польские современные политики, стоящие на запятках у западно-европейской буржуазии, прибегли к исконному, испытанному средству внедрения господства владеющих классов: они стали натравливать народ на народ и прежде всего, конечно, на евреев. "Бей жидов" - вот политический клич польского правительства. Евреи, конечно, во всем виноваты. Пан Пилсудский, Василевский (Плохоцкий) и вся братия из Польской Партии Социалистической, в купе и влюбсе с дельцами из польской буржуазии, везде и всюду сеют смерть среди еврейской бедноты, устраивая и благословляя погромы, вырезывая женщин, стариков и детей, громя и разоряя очаги истинной бедности и подневольного труда, где жизнь доведена до последней грани отчаяния.

Польская буржуазия, промотавшееся польское дворянство и все эти шовинистические социалисты - кто теперь только не называется социалистом! они

прекрасно выучили кнутабойные уроки царского самодержавного правительства, царской жандармерии. Ученики не только доросли до своего учителя, но и переросли его и если они когда-то возмущались возведением памятника Муравьева-Вешателя в главном городе Литвы - в Вильне, то теперь литовцы, вероятно, должны будут вскоре любоваться на том же пьедестале новым памятником нового вешателя, нового истязателя Литовского края, но на этот раз не ставленника русского самодержавного правительства, а ставленника польской буржуазии и шляхты, возглавленных польскими социал-предателями. Но мы уверены, что не далеко то время, когда воинственные паны должны будут раз и навсегда убраться восвояси, да так, чтобы зуд завоевательной политики у них был бы вышиблен на долгое-долгое время, и чтобы погромным делам их раз и навсегда был положен решительный конец. {14} Наступающие на Советскую Россию банды белогвардейцев, продавшиеся Антанте различные партизанские отряды - (Григорьева, Петлюры, Зеленого, Антонова), - а также польское правительство ведут везде и всюду отчаянную пропаганду за истребление еврейского народа, пропаганду погромов и убийств тысяч и тысяч невинных жертв. Само собой понятно, что этому общественному злу мы должны противопоставить широчайшую пропаганду, вполне разъясняющую всю мерзость антисемитизма. Желая и с своей стороны хоть чем-нибудь помочь этому необходимому делу, я выпускаю второе издание моей работы о деле Бейлиса, на фоне которого отчетливо выяснялась вся политическая игра черносотенных, а ныне белогвардейских партий, а также была вполне разоблачена вся гнусность клеветы кровавого навета на евреев, которую кое-где и в последнее время опять пробовали пускать в ход антисемиты. Думаю, что и современному читателю будет полезно вспомнить времена и обстоятельства громадной борьбы за погранные права еврейского народа.

Владимир Бонч-Бруевич. 23 июля 1919 года.

[Image003]

I.

Перед процессом.

Еще летом 1913 г. повсюду в книжных магазинах стало появляться множество книг и брошюр, вводящих нас в круг новой жизни, так мало известной не только широким массам населения, но и русской интеллигенции.

Брошюры, книжечки и книги, рассказывающее нам о разнообразных эпизодах тысячелетней истории еврейской жизни, о необычайных, ужасных, зверских преследованиях этого народа в средние века, о его вере и обычаях и, наконец, о так называемых ритуальных процессах - застрелили повсюду в окнах магазинов. То, что было известно до сих пор специалистам-историкам, что смутно, тускло, отрывочно доносилось до сознания общеобразованных людей, теперь стала достоянием широкой демократии. Книги о жизни еврейского народа, благодаря стараниям господ ритуалистов, стали общедоступными, повсюду встречающимися. Везде возрос интерес к изучению истории древнего Израиля. И в этом мы можем видеть несомненный плюс, несомненное приобретение, толчком, к чему послужил тот крайне реакционный умысел, который не только таился, но явно себя обнаруживал в самом факте постановки ритуального процесса, по случаю жестокого убийства Андрея Ющинского по поводу дела Бейлиса.

Конечно, рядом с этой литературой, выяснявшей со всех сторон как историю

ритуальных процессов, так и более или менее полно знакомившей с историей еврейского народа вообще, появилась отвратительная низменная, лживая литература русских антисемитов, в которой они не жалели красок, в которой они использовали весь запас(угол страницы оторван, слово нельзя прочесть; ldn-knigi).. {18} и издевательств над народом веками угнетенном, налагая на его согбенные плечи всю ту клевету, весь тот циничный ужас, который могли создать жестокие нравы средних веков и хитрые, пронырливые, лукавые умы деятелей святой инквизиции.

Все было вновь поднято теперь, в XX веке. И этот срам, и этот позор пришлось переживать России в то время, когда самые дикие элементы Западной Европы, кипящие ненавистью к евреям, уже стали настолько общекультурны, что стыдятся открыто, при свете солнца, питать себя и народные массы той клеветой и ложью, по отношению к евреям, которые были столь сильны, столь могущественны в прежние времена жизни наших западных соседей.

И чем ближе к осени прошедшего года, когда мы все могли ожидать разрешения той опасной болезни нашей общественности, которая выразилась в процессе Бейлиса, тем все настойчивей, все необходимей, все властней и властней перед каждым современным человеком поднимался вопрос: как быть, что делать, как ответить на этот неслыханный вызов всей нашей культуре, нашему социальному развитию и политической зрелости?

Все сознательные люди, везде и всюду, споря в деталях, расходясь в частностях, объединялись в одном мнении, в одном порыве: обвинение в человеческом жертвоприношении, совершенном в третьей столице империи (Эта статья была написана до революции 1917 г. Прим. В. Б.-Б.), в одном из самых старинных умственных центров России, в пункте сосредоточения промышленных, финансовых и торговых интересов юго-запада нашей страны, - совершенно невероятно. Обвинение, раздутое правыми организациями, - двуглавыми, союзниками и иными так называемыми "истинно-русскими" людьми, не имеющими никакой связи с действительно истинно-русским прогрессом, с истинно-русской новой Россией, чающей и стремящейся ко всестороннему демократическому оздоровлению страны, - являлось вызовом для всех, кто в новых путях развития нашей общественности видел единственный исход из печальной действительности.

Этот кровавый навет, черным пологом павший на евреев, должен нами быть признан коварным замыслом, коварным нападением на общие основы нашей культурной жизни, {19} замыслом разнообразных черносотенных организаций, из всех сил стремившихся, возрождая нравы средних веков, отвести назревающее общественное внимание от внутренних вопросов первостепенной важности на национальную распрю, на религиозную вражду, на расовую ненависть. В этой буре и мятеже раздуваемых народных страстей антикультурными союзническими организациями опять и опять хотели они - как это уже было в 1906 г. - утопить, расхитить, раздробить то сосредоточенное тяготение огромных масс населения к реорганизации общественных порядков, которое повсюду в стране так явно обнаружилось еще в 1905 г. и вновь возрождается теперь в народе.

Эта перчатка, брошенная всей просвещенной России отсталыми, но, к несчастью, все еще имеющими силы, элементами нашей общественности, должна была быть немедленно поднята всеми теми, кто в свободе и демократизме видит все прибежище и силу для творчества и жизнедеятельности народа и

общества.

Без уговора, без замысла, без организации, я бы сказал действительно стихийно, выходя даже из разных точек зрения, из разных взглядов на жизнь и борьбу за форму жизни, со всех сторон, везде и всюду, все почувствовали насущную необходимость соучаствовать в том общественном деле, которое связывалось с киевским процессом, с убийством Андрея Ющинского, с делом Бейлиса.

II.

В пути.

Когда в Петербурге я садился в поезд, я не знал, еду ли я один на процесс в Киев, или здесь кругом меня, на вокзале, в вагонах, еще находятся люди, которые почувствовали необходимость ехать туда, в этот древний город, чтобы узнать все, что там сплелось вокруг неслыханного процесса, и, узнав, так или иначе, по мере сил и возможности, откликнуться на это дело, связанное с кровавым наветом, столь же древним, как старо само христианство.

Вскоре, однако, обнаружилось, что очень многие из находившихся в этом поезде едут именно в Киев на дело Бейлиса. Здесь ехали и стенографистки, и корреспонденты, и частные лица, имевшие и не имевшие билеты на заседание. {20} - Все равно, как-нибудь, что-нибудь будем слышать, что делается там, в зале суда!.. - говорили мне эти люди, не считавшие возможным заниматься обыденными делами в то время, когда там будет происходить тот суд, где подсудимый выступает в роли совершенно странной: только подумать, что в двадцатом веке у нас в России обвиняют человека в людоедстве!

- Нет, нельзя быть спокойным в это время! - заявил мне весьма почтенный русский обыватель, стремившийся в Киев, чтобы хоть как-нибудь да присоединиться к общей печали, к общему протесту.

Стенографистки не перестают обсуждать, как им лучше организовать, лишь бы записать процесс как можно точней, как можно правильной...

Под Двинском наш поезд долго был задержан той ужасной катастрофой, которая совершилась в этом месте в ночь с 22 на 23 сентября.

И несмотря на то, что все были напуганы и взволнованы страшным видом ужасной катастрофы, когда одного за другим несли раненых и убитых, вытасканных из-под обломков совершенно исковерканных вагонов и столкнувшихся паровозов, несмотря на это, когда мы тронулись и снова вошли в свою обыденную колею путешественников, мы все опять и опять продолжали бесконечные разговоры об этом кошмарном деле, поднимавшем, казалось, уже совершенно отжившие легенды, сказки, сплетни и средневековые наговоры г.г. сочленов святейшей инквизиции, столь тароватых к разысканию всевозможнейших религиозных "преступников".

Многие в пути читали соответствующие книжки, делали выписки, записи... Одним словом и здесь в поезде продолжалась очевидно та подготовка к процессу, которую, как оказалось, уже давно совершали многие и многие русские люди, не желавшие примирить в своем сознании этот ужасный кошмар с уровнем нашей общерусской культуры народных масс.

Когда мы приехали, Киев уже был совершенно заполонен тем общественным возбуждением, которое всегда столь благоприятно, столь пробуждающе действует на тех, кто в обыденщине, волей или неволей, потопил все свои стремления, чаяния и ожидания.